

1.2. Социально-экономическая адаптация населения: исследовательский подход

Анализ происходящих в течение последних десяти лет социально-экономических процессов позволяет выявить существо общественной трансформации в России. Происходит затрагивающий цивилизационные основы макросоциальный процесс смены моделей и регуляторов социальной деятельности. Одним из важнейших социальных результатов этого процесса явилось то, что значительная часть населения страны зачастую вынужденно, еще не отдавая себе в этом полного отчета, испытывая острую ностальгию по утраченной стабильности, уже втягивается в процесс социальной трансформации. Начался переход от прежнего жестко регламентирующего механизма регулирования социального поведения к социально-экономической системе, опирающейся на индивидуальные усилия и способности людей самостоятельно справляться со своими проблемами и трудностями.

Нет сомнений, что эта смена происходит весьма болезненно и для общества, и для населения. Переходный характер трансформации состоит именно в том, что старые модели и механизмы входят в противоречие с новыми и, не будучи подкреплены эффективными мерами социальной политики, угрожают обществу дестабилизацией и дезинтеграцией. Незавершенность модернизации обуславливает внутреннюю противоречивость современного российского общества и связанную с ней неопределенность результатов переходного периода.

В начале преобразований многими строились прогнозы о сроках, необходимых для успеха реформ. Первоначально назывались два-три года, требуемые для того, чтобы сознание людей «подтянулось» к начатым верхами акциям. Позже речь уже шла о двух-трех пятилетках и, наконец, о двух-трех поколениях. Десятилетний опыт реформ дает возможность проанализировать, произошли ли реальные изменения в социально-экономическом поведении населения, какие социальные группы реализовали эффективные жизненные сценарии, а какие, наоборот, потерпели неудачу.

Первый этап реформ - 1985-1989 годы, годы Перестройки и Гласности, - представляется временем наибольшего согласия

«верхов» и «низов», равно озабоченных тем, как быстрее покончить с одряхлевшим посттоталитарным режимом. Это был период быстрого расширения информационного пространства, овладения новыми терминами, «перекодировки» понятий, когда оценки таких, например, явлений, как частная собственность или буржуазное право, менялись на противоположные. Главным политическим действием была риторика, а главной ветвью власти - «четвертая» - пресса, которая и задавала векторы интеллектуального поиска. В этот период шла поверхностная адаптация, не требовавшая каких-либо заметных усилий для овладения принципиально новыми способами социально-экономического поведения.

Уже к 1990 году намерения властной элиты и «народа» начали расходиться. Если власть стала упорствовать в социалистическом выборе, то значительная часть населения благосклонно восприняла ценности «свободного мира». Появились первые ласточки капитализма - кооператоры, предприниматели, коммерсанты. В этот период стала актуализироваться проблема выбора стратегии экономического и социального поведения. О том, насколько респонденты осознавали в тот период необходимость решения проблемы адаптации, свидетельствует распределение ответов на вопрос: «Предполагаете ли Вы что-либо изменить, чтобы найти свое место в рыночной экономике?».

Весной 1991 года 36% городских жителей России ответили на этот вопрос утвердительно, 12% - отрицательно, а остальные ответили, что хотели бы что-то изменить, но не знают, как.

Таким образом, выявились две стратегии социально-экономического поведения. Первая состояла в том, чтобы жить экономно, сводя концы с концами, в ожидании либо того, что «сверху» будут созданы условия для комфортного и безболезненного вхождения в рынок, либо того, что все как-нибудь «рассосется». Вторая стратегия заключалась в том, чтобы предпринять экстраординарные усилия для того, чтобы вписаться в новую социально-экономическую реальность.

Ориентация на адаптацию также имела два направления. Одни люди рассчитывали, что институциональные реформы позволят им максимально эффективно использовать имеющийся образовательно-квалификационный потенциал. Другие же оказались готовы к

перемене сферы деятельности. Подобная дихотомия социально-экономического поведения позволяет вспомнить «рантье» и «спекулянтов» - классификацию В. Парето, которой он характеризовал экономический цикл общественного процесса.

В то время как около половины респондентов не были ориентированы на сколько-нибудь радикальные изменения модели социально-экономического поведения, около 30% высказывались за частичные изменения, сужение роли государства в экономике, децентрализацию. При этом насчитывалось более 10% сторонников чисто либеральной модели развития с опорой на свободу предпринимательства и полное устранение государства из сферы экономики. Обнаруживалась высокая готовность принять частную собственность (более 70% были «за»). И хотя реформаторские устремления не были хорошо отрефлексированными (уже тогда данные наших социологических опросов свидетельствовали о том, что выбор за или против реформ определяют скорее идеологиемы, чем рациональный анализ последствий выбора. Так, например, если за частную собственность выступали 70% респондентов, то возможность безработицы в стране допускали лишь 50%), именно они определяли настроения в обществе. Оно было охвачено нетерпением, которое и позволило осуществиться третьему этапу реформ, берущему начало в августе 1991 года и получившему развитие в январе 1992 года.

Этот этап характеризуется формированием институциональной среды, создающей вполне определенные условия, в которых реализуются модели социально-экономического поведения населения. К важнейшим условиям следует отнести изменение отношений собственности и изменение способов формирования доходов и накоплений. В этой связи моделям поведения в сфере приватизации, а также моделям сберегательного поведения в дальнейшем будет уделено наибольшее внимание.

Основным условием преодоления кризиса переходного периода является выработка достаточно большим числом людей успешных моделей социально-экономического поведения, основанных на личностных профессионально-квалификационных ресурсах и учитывающих требования институциональной среды. По существу, социально-экономическая адаптация становится доминирующим мак-

росоциальным процессом, определяющим тенденции общественного развития России.

Социально-экономическая адаптация характеризуется способностью индивидов, различных социально-экономических слоев и групп населения рационально и эффективно использовать имеющиеся профессионально-квалификационные ресурсы, личностный потенциал для встраивания в сложившуюся хозяйственную ситуацию с целью реализации своих потребностей и интересов. Характер процесса адаптации наиболее значим для успешного выхода из состояния кризиса потому, что именно здесь осуществляется переход с макроуровня государственно-политических и социально-экономических задач на микроуровень - к реальной деятельности населения. Успех адаптации, вхождение все большего числа социальных групп населения в этот процесс является не только наиболее важным условием преодоления переходного периода, но и основным критерием осуществления модернизации.

Именно поэтому проблемы адаптации населения к новым социально-экономическим условиям рассматриваются специалистами различных областей - экономики, социологии, демографии, политологии - в качестве ключевых. На начальных этапах преобразований основное внимание уделялось поддержке реформ через призму адаптации.

Постепенно, с анализом реального опыта адаптации, акцент сместился в сторону «социальной цены» реформ¹.

К настоящему моменту сложилось некоторое общее понимание процесса адаптации. Она рассматривается как вид взаимодействия личности или социальной группы с социальной средой, в ходе которого согласовываются взаимные требования и ожидания его участников. Важнейший компонент адаптации - согласование самооценок и притязаний субъекта с его возможностями и с реальностью социальной среды, включающее также тенденции развития среды и субъекта. Некоторые ученые² также добавляют, что в ходе адаптации происходит такое взаимодействие человека (населения, социальных

¹ Римашевская Н.М. О социальной цене реформ // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1995.

² Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. 1995. № 9.

групп и т.д.) со средой, когда индивид получает возможность выживания и процветания, а макросреда - воспроизведения и вступления в иную восходящую стадию.

Особенности адаптационного процесса в России состоят не только в глубоких модификациях системы ценностей и моделей социально-экономического поведения, но и в высокой степени нестабильности самой социальной среды, изменения которой далеко не всегда учитывают адаптивные возможности населения. В этих условиях существенно возрастает значение обратных связей, механизм реализации которых также пока находится в неустойчивом состоянии.

Любая переходная социальная система вопреки своей переходности все же представляет некую структурную целостность, характеризующуюся динамичностью и разнообразием векторов своего развития. При этом на данную социальную систему возлагаются три фундаментальные функции: мобилизация социального, человеческого потенциала, формирование гибкой и динамичной социальной структуры и обеспечение если не эффективного социального управления, то хотя бы сохранения управляемости социальной системы. Россия наших дней - именно такая социальная система, где уже обозначились основные направления ее социального, экономического, политического и духовного развития, но темпы развития общества по этим направлениям неравномерны. Именно сейчас наиболее остро стоит задача мобилизации всего социального потенциала для обеспечения устойчивых темпов социального прогресса. Но данная задача может успешно решаться только в том случае, если у граждан формируются новые модели социально-экономической деятельности, основанные на ценностях и мотивациях, адекватных перспективам социально-экономического развития.

В условиях высокой нестабильности социальной среды научное осмысление адаптационного процесса неизбежно имеет тенденцию к запаздыванию по отношению к стремительно меняющейся реальности. Этот же феномен характерен и для публикаций, по данной теме. Поэтому, несмотря на изучение адаптации в переходный период широким кругом специалистов, достоянием научной общечеловечности пока стало весьма скромное число исследований. Тем не менее, имеющиеся публикации в своем большинстве затрагивают

глубинные проблемы современного процесса адаптации, не теряющие остроты в условиях перманентных перемен.

Основными вопросами, интересующими исследователей, являются, во-первых, специфика адаптационных контактов населения и социальной среды; во-вторых, анализ результатов процесса адаптации и соответствующая типологизация населения по критерию адаптированности; в-третьих, оценка адаптивных возможностей населения и анализ факторов адаптации. Большинство исследователей прямо или косвенно затрагивается проблема противоречивости адаптационного процесса, ставящая под сомнение оптимистичные прогнозы.

Первый круг проблем, касающийся взаимодействия населения и институциональной среды, подробно освещен в исследовании М.А. Шабановой, где проводится разграничение между добровольной и вынужденной адаптацией на уровне индивидов. В основе такого разделения лежит наличие или отсутствие противоречия (соответствия) новых ценностей и способов действия, которые предлагает социальная среда, прежней (либо «скорректированной») системе ценностных ориентаций индивида (группы). При этом выделяются три уровня добровольной адаптации:

- декларируемые принципы и нормы социального бытия «вписываются» в систему самых значимых потребностей человека или даже создают более благоприятные условия для реализации таковых;
- ценностные ориентации, ранее свойственные индивиду, изменяются в новых условиях без особого напряжения и сопротивления с его стороны;
- провозглашаемые идеи, несмотря на активное или пассивное массовое неприятие индивидами, в той или иной степени корректируются, приближаясь к ценностным ориентациям и намерениям различных социальных групп.

Автор утверждает, что в первых двух случаях индивид не пытается изменить предложенные «правила игры» (они либо не мешают ему действовать привычным образом, либо принимаются им). В третьем же случае мы имеем дело с наиболее активной адаптацией к условиям реформирования: ответная реакция индивидов влияет на изменение среды, их требования учитываются.

Тот же автор выделяет следующие ситуации, когда имеет место вынужденная адаптация:

- не принимая нового, индивид пытается изменить социальные ценности и поведенческие модели, вводимые утверждающейся средой, но, видя безуспешность своих попыток, он вынужден подчиниться (временно или окончательно) новым «правилам игры»;
- противясь новому, но опираясь на свой жизненный опыт, социальное положение, возможности и другие обстоятельства, индивид вынужденно подчиняется, вовсе не пытаясь что-то изменить;
- новые способы социального действия, даже не противоречащие ценностным ориентациям индивида, менее, чем прежде, соответствуют его объективным качествам. Он вынужден использовать их ценой огромных усилий ради выживания.

В первом случае имеет место вынужденная активная адаптация: индивид пытается изменить среду, но ему это пока не удастся. В двух остальных описанных случаях индивид должен приспособливаться к условиям, но делает это пассивно. Как вынужденная, так и добровольная адаптация происходят на двух уровнях - сознания и поведения.

В качестве другой основы классификации видов адаптации часто используется мера соотношения «приобретений» и «потерь» индивида при контакте с преобразуемой социальной средой. Если «приобретения» превышают «потери», адаптация может считаться «прогрессивной» (созидательной); в противном случае адаптация является «регрессивной» (разрушительной).

Признавая все достоинства данных классификаций, несомненно представляющих огромный интерес для наших исследований, следует, однако, отметить некоторый момент субъективизма, неизбежно присутствующий при анализе многообразия конкретных ситуаций. К сожалению, оставлен открытым вопрос, что является приобретениями, а что потерями, без чего трудно оценить, какой тип адаптации преобладает.

Признание низкой значимости различий между добровольной и вынужденной адаптацией содержится в исследованиях Л.А. Гордо-

на. По его мнению, разница «между тем, кто сознательно мирится с нынешними тяготами, как преддверием желанных перемен, и теми, кто просто смиряется с их неизбежностью, даже сожалея о прошлом, не слишком существенна»³. Данная точка зрения, с одной стороны, показывает, что элемент вынужденности в процессе адаптации присутствует всегда, так как социальная среда является раздражителем, к которому необходимо приспособиться. С другой стороны, автор дает понять, что реакция социальной среды в адаптационном процессе весьма слаба.

Другим направлением исследований является анализ результатов процесса адаптации, который осуществляется в основном в рамках социологического подхода к данной проблеме. Такие исследования на протяжении ряда лет осуществляются, например, ВЦИОМом в рамках мониторинга изучения общественного мнения. Публикуемые результаты свидетельствуют, в частности, о наличии в обществе некоторых групп населения, различающихся по степени адаптированности. Выделяются следующие группы: небольшая хорошо адаптированная группа населения, имеющая весьма слабую склонность к расширению; среднеадаптированная группа, представляющая собой основу медленно формирующегося среднего класса, и слабоадаптированная группа.

Некоторые авторы прослеживают взаимосвязь степени адаптированности и изменений политических взглядов различных групп населения⁴. Такая взаимосвязь рассматривается как показатель эффективности проводимых реформ, правильности выбранных направлений. Ценность данных исследований состоит в том, что они дают возможность наблюдать за динамикой адаптационных процессов, с тем чтобы корректировать изменения социальной среды, строить адекватную адаптационному потенциалу общества социальную политику.

³ Гордон Л.А. Социальная адаптация в современных условиях // Социологические исследования. 1994. №№ 8-9. С 4

⁴ Левада Ю.А. Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. М., 1993-1998; Гордон Л.А. Область возможного: Варианты социально-политического развития России и способность российского общества переносить тяготы переходного времени / ИМЭМО РАН. М., 1995; Дискин И.Е. Российская государственная система: проблема институционального генезиса. // Общественные науки и современность 1998. №4.

Еще одним, не менее важным направлением изучения процесса адаптации является собственно анализ факторов, определяющих адаптационный потенциал индивида. Среди таких факторов рассматриваются, во-первых, психологические, во-вторых, социально-экономические и, в-третьих, демографические.

С позиций социально-психологического подхода основное внимание уделяется трансформациям в ценностных ориентациях людей, различных социальных групп, изменению их взглядов на жизнь, психологии, личностного восприятия действительности, черт характера.

Так, например, Д. Ольшанский⁵ обрисовал психологические портреты людей, находящихся на разных этапах адаптации. Принадлежность к той или иной стадии объясняется при этом преобладанием рационального либо эмоционального восприятия социальной реальности.

Социально-психологический подход используется в работах Н.Е. Тихоновой⁶, рассматривающей социально-психологические факторы в качестве решающих для трансформации российского общества, которое сегодня разделено на три большие группы с принципиально разной ментальностью. Первая группа, объединяющая, по данным Н.Е. Тихоновой, примерно треть россиян, может быть охарактеризована как «носители патерналистско-эгалитаристского типа ментальности». Они ожидают решения своих проблем от государства, местных властей или руководства предприятий. Для них характерна большая значимость материальных факторов в системе ценностей, болезненная реакция на социальную дифференциацию. Вторую группу характеризует «индивидуалистически-либеральный тип ментальности». При решении своих проблем его носители опираются прежде всего на собственные силы, они деятельны, менее подвержены всякого рода страхам и в большой степени ориентированы на карьеру и жизненный успех. Наконец, остальная часть населения (примерно половина) представляет собой «промежуточный тип». Основную тенденцию развития этого типа

⁵ Ольшанский Д.В. Социальная адаптация: кто выиграл? Микромеханизм реформ // Экономические реформы в России: Социальное измерение / ИСЭПН РАН. М., 1993.

⁶ Тихонова Н.Е. Трансформационные процессы в сознании россиян: аксиологический аспект // Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании. М, 1996.

Н.Е. Тихонова видит в его постепенном сокращении за счет расширения первой группы.

В рамках социально-психологического подхода выдвинута, в противоположность характерной для психоанализа «детерминации прошлым», идея «детерминации будущим»⁷, в соответствии с которой поведение людей обусловлено их жизненными перспективами, видением будущего. В нашей же стране забота о выживании блокирует, делает бессмысленным формирование долгосрочных жизненных планов⁸.

Тем не менее, в работе Т.Е. Резник и Ю.М. Резника⁹ предлагается типологизация жизненных стратегий личности, включающая «стратегию жизненного благополучия», характеризующуюся стремлением к максимальному удовлетворению своих потребностей в определенных жизненных благах; «стратегию жизненного успеха», где доминируют широкомасштабные цели, имеющие преобразовательную направленность и ведущие к преуспеванию в жизни, и «стратегию жизненной самореализации), которой свойственно ограниченное использование целеполагания как инструмента конкретизации и практического воплощения жизненных смыслов.

Проблема соотношения воздействия социально-психологических и социально-экономических факторов ставится в статье А.П. Вардомацкого¹⁰, где выдвигаются две гипотезы - «гипотеза недостаточности», которая состоит в том, что «приоритеты индивидуальности отражают социально-экономическое окружение: наибольшая субъективная ценность придается тем вещам, обеспеченность которыми наименьшая», и «гипотеза социализацию), которая предполагает, что «взаимоотношение между социоэкономическим окружением и ценностными приоритетами не является отношением непосредственного регулирования, приспособления; между ними пролегает существен-

⁷ Melgles F.T. Time and Inner Future // A Temporal Approach to Psychiatric Disorders. New-York, 1982.

⁸ Ионин Л. Г. Культура и социальная структура // Социологические исследования. 1996. №3.

⁹ Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования 1995. №12.

¹⁰ Вардомацкий П. А. Европейское исследование ценностей // Исследование сознания и ценностного мира советских людей в период перестройки. М., 1990.

ный временной лаг, поскольку базовые ценности личности в значительной степени отражают условия, которые доминировали в годы, предшествующие ее (личности) зрелости».

В рамках социально-психологического подхода исследователи вспоминают о важной особенности адаптационного процесса, достаточно полно и многоаспектно проанализированной специалистами в области социальной психологии. Речь идет о так называемых пороговых эффектах (порог ощущений, порог предпочтений и пр.), которые указывают на механизм альтернативных форм адаптации¹¹. Приспособление к изменившейся среде достигает некоторых критических значений, при которых либо происходит адаптация, либо воздействие раздражителя приобретает нетерпимый характер и может спровоцировать нежелательную, с точки зрения ценностей и норм социальной среды, реакцию. Если адаптация затруднена, если вместо встраивания в новую систему начинают нарастать пассивность и девиация, то правомерно ставить вопрос о неадекватности социальной среды адаптационным возможностям индивида. Выходом может стать только коррекция социальной системы. Исследователи констатируют небеспредельность психологических возможностей адаптации. Необходимость поспешного усвоения новых ценностей и норм, прямо противоположных по своему характеру той ценностной системе, которая усваивалась десятилетиями с помощью могучего пропагандистского аппарата, в большинстве случаев блокируется сознанием. К тому же, как справедливо пишет Л.А. Гордон, население вынуждено приспосабливаться дважды: во-первых, к декларируемым новым либеральным ценностям и, во-вторых, к социально-экономической среде, в которой часто реализуются ценности, несовпадающие с декларируемыми. Тяготы переходного периода никак не соответствуют ожиданиям населения, сформированным на начальном этапе реформ декларациями о безусловных преимуществах рынка. Недвусмысленны также выводы Л.А. Гордона о том, что, хотя процессы адаптации в целом сильнее явлений дезадаптации, адаптация идет на минимальном пределе, на грани срыва¹².

¹¹ Китаев-Смык А.А. Психология стресса. М.: Наука, 1983.

¹² Гордон Л.А. Социальная адаптация к современным условиям // Социологические исследования. 1994. №№ 8-9.

Предметом социально-экономического аспекта адаптации является деятельность, направленная на решение проблемы обеспеченности материальными средствами, создание условий для поддержания или повышения приемлемого уровня жизни, а также механизмы решения этих проблем. Адаптационный потенциал в данном случае определяется целым рядом объективных и субъективных факторов. В качестве таковых рассматриваются уровень образования, социальный и профессионально-квалификационный статус, уровень материальной обеспеченности и др. Согласно риторике начального этапа преобразований, быстрый успех должен был прийти к наиболее трудоспособным, деятельным и просвещенным членам общества. Однако, изучая реальную практику реформ, исследователи приходят к выводу о том, что высокий уровень образования и квалификации не ведет автоматически к более успешной адаптации. Напротив, как показывают наши исследования¹³, стратегия адаптации, основанная на реализации профессионально-квалификационного потенциала, в большом числе случаев не оправдывала себя. Напротив, успех приходил к тем, кто «с нуля» начинал действовать в эффективных, с точки зрения сиюминутной конъюнктуры, сферах. Это не могло не породить разочарования в реформах у тех, чьи попытки найти свое место в новых условиях не увенчались успехом, и это явилось причиной социальной апатии и торможения процесса адаптации в целом. К аналогичным выводам приходит Л.А. Гордон¹⁴, говоря о том, что «новые русские» состоят не только из молодых и удачливых хозяев жизни, но и из тех молодых профессионалов, кого меняющаяся жизнь выбила из привычного статуса.

Процесс адаптации нельзя рассматривать в отрыве от семьи, что определяет необходимость социально-демографического подхода к изучению адаптационных процессов, поскольку степень включенности в них во многом определяется семейными характеристиками. Каждая семья в зависимости от структуры, численности, половозрастного состава, образовательно-профессионального уровня

¹³ Аврамова Е.М. Как россияне приспосабливаются к рынку // Российская Федерация. 1995. № 19.

¹⁴ Гордон Л.А. Социальная адаптация к современным условиям // Социологические исследования. 1994. №№ 8-9.

ее членов, их личностных характеристик обладает различным потенциалом адаптации, различными возможностями реализации этого потенциала. В рамках данного направления необходимо упомянуть работы Н.М. Римашевской, М.А. Можиной, Л.М. Прокофьевой¹⁵, целью которых явилось исследование механизмов и способов адаптации, изыскиваемых семьями для решения материальных проблем. Исходя из анализа существующих подходов к изучению адаптации, можно выдвинуть в качестве гипотезы следующую **классификацию адаптационного поведения**, включающую ряд типобразующих характеристик.

Конечный результат адаптации¹⁶:

- формирование принципиально новых моделей социально-экономического поведения;
- включение в старые стереотипы поведения новых элементов;
- сохранение старых моделей социально-экономического поведения.

Отношение к переменам в обществе:

- позитивное;
- нейтральное;
- негативное.

Способ осознания социально-экономической реальности:

- идеолого-мифологический, опирающийся на идеологемы при игнорировании результатов приобретаемого практического опыта;
- рационально-праксеологический, основывающийся на результатах приобретаемого практического опыта и выстраивание стратегий социально-экономического поведения;

¹⁵ Бедность, взгляд ученых на проблему. М., 1994; Уровень жизни городского населения России и социальные проблемы реформ / ИСЭПН РАН и Интерцентр. М., 1995.

¹⁶ Целесообразность оценки адаптации по конечному результату обозначена Э.Фроммом («Бегство от свободы» М, Прогресс, 1990 г.), который различает «статическую» адаптацию, характеризующую частичные изменения, как, например, приспособление китайцев к еде с помощью ножа и вилки, и «динамическую», полностью изменяющую личность, ее поведение.

- ситуативно-прагматический, ориентированный на результаты приобретаемого практического опыта без выстраивания стратегий поведения.

Реакция на изменение социально-экономических условий:

- креативная, направленная на создание новых моделей поведения с использованием новых социально-экономических ресурсов;
- мобилизационная, связанная с выработкой новых моделей поведения с использованием (мобилизацией) имеющихся социально-экономических ресурсов;
- пассивная, направленная на использование имеющихся социально-экономических ресурсов ранее сложившимися способами;
- негативная, связанная с поиском моделей и ресурсов для противостояния процессу адаптации;
- эскапистская, ориентированная на отказ от использования имеющихся ресурсов в целях адаптации.

Тип используемых социально-экономических ресурсов:

- «человеческий капитал» - социально-демографические факторы адаптации (пол, возраст, уровень образования, демографический тип семьи, профессия, квалификация и т.д.);
- «социальный капитал» - система социальных связей индивида, его возможности ориентации в институциональной среде, понимание социокультурных сигналов и норм, поддерживающих хозяйственные взаимодействия.

Цели адаптации:

- достижение более высокого уровня жизни и высоких статусных позиций;
- поддержание сложившегося уровня жизни и статуса;
- выживание.

Представляется, что предложенная типология адаптационного поведения явится полезным инструментом дальнейших исследований.